

Слушая слова отца Фанга, Ли Минг был ошеломлен. — Думаю, ты очень богат, но не должен быть скупым, — продолжил отец Фанга. — У моего сына талант святого. Сейчас ему достаточно всего трехсот слов, чтобы сочинять стихи. Когда он станет святым, его стихи будут бесценны, их невозможно будет купить. Нужно воспользоваться моментом! Ли Минг закатил глаза. Отец Фан Чжун-юнга был настоящим святым. Даже если бы он был им, то, скорее всего, убил бы его. Фан Чжун-юнг, стоявший в стороне, молчал. Он изучал деревянную табличку Ли Минга с драконьим узором. Глядя на слова, выгравированные на ней, он был сосредоточен. Ребенок всего нескольких лет с такой потрясающей концентрацией — действительно вундеркинд. Ли Минг отвел взгляд. Он собирался пригласить отца Фанга в беседку, но тот вошел сам. Оказавшись внутри, отец Фан начал осматривать содержимое беседки. Вскоре он заметил на столе чашу, глаза его загорелись, и он взял ее, держа за край. Прищурившись, он внимательно изучал чашу, словно гадатель. Ли Минг глубоко вздохнул. Неужели у отца Фанга такой острый взгляд? С первого взгляда он разглядел необычность Бесконечной Чаши. — Что это за разбитая чаша? Для собаки? — отец Фан посмотрел на Ли Минга. — Ее нельзя ставить на стол. Если смешать посуду, легко заболеть, запомни. — Это не для кормления собак, — ответил Ли Минг. — Хорошо, — отец Фан облегченно вздохнул, поставил чашу, снова серьезно посмотрел на Ли Минга и сказал: — Запомни, чаши, из которых едят собаки, нельзя смешивать с чашами людей, легко заболеть. — Хорошо, — кивнул Ли Минг. Он не был глупцом, как же он мог смешивать собачью чашу с человеческой? К тому же, это была Бесконечная Чаша, могущественное магическое оружие, способное проецировать небеса. Хотя она была разбита, она была очень полезна. Видя, что отец Фан поставил чашу и продолжил осматривать другие вещи, Ли Минг, чтобы дать ему немного покоя, быстро зажег кафельницу на кофейном столике, которая давно не использовалась. Из кафельницы повалил дым. Аромат в этой кафельнице успокаивал ум, и вскоре отец Фан почувствовал сонливость. Сидя на стуле, он задремал, а затем уснул. Ли Минг с облегчением вздохнул. Было мудрым решением дать отцу Фангу немного отдохнуть. Он вышел из беседки и подошел к коридору. Он увидел Фан Чжун-юнга, сидящего на земле и изучающего деревянную табличку с драконьим узором. Неподалеку лежала черная собака. Черная собака повесила уши и смотрела на Фан Чжун-юнга, в ее глазах было полное недоумение, словно она не могла разгадать ребенка. Ли Минг хотел подойти и поговорить с Фан Чжун-юнгом, но, увидев, как тот отшатнулся в страхе, побледнел. Потому что слова, выгравированные на деревянной табличке, внезапно задвигались. Он изучал ее так долго, но был шокирован и выронил табличку из рук. Ли Минг подошел, чтобы поднять деревянную табличку с драконьим узором, и на ней отобразилось число "23". — Я тебя не пугал, — сказал Ли Минг, подходя к ребенку. — Ничего страшного, — Фан Чжун-юнг вытер пот со лба и успокоился. — Можешь догадаться, что это? — Ли Минг указал на цифры на деревянной табличке с драконьим узором. — Нет, — Фан Чжун-юнг покачал головой, посмотрел на Ли Минга в глаза и сказал: — На табличке два слова, одно неподвижно, другое меняется, похоже на завязанные узлы. Я хочу спросить про слово, которое меняется. Оно становится больше или меньше? — Меньше, — ответил Ли Минг. С числа "24" до "23" оно, естественно, уменьшилось. Фан Чжун-юнг сказал: — Тогда я могу догадаться, что произошло. Это должно быть что-то вроде часов, похоже на солнечные часы. Ли Минг протянул руку и ущипнул ребенка за пухлое лицо, сказав: — Ты очень умный. Фан Чжун-юнг оттолкнул руку Ли Минга с отвращением, моргнул и сказал: — Я никогда раньше не видел таких часов. Кто ты? Ли Минг улыбнулся: — Угадай? — Ты святой, как Конфуций? — Почему ты так думаешь? — Ли Минг посмотрел на него. — Я чувствую, и по твоему темпераменту, что ты не обычный человек. — Я действительно не обычный человек, я святой, — Ли Минг посмотрел на него. — Ты веришь? Ли Минг решил обмануть этого ребенка. В конце концов, он сказал, что он святой, что лучше, чем бессмертный. И для отца Фанга, и для Фан Чжун-юнга святой был самым могущественным существом. Он намеревался обмануть их, выдав себя за святого. Фан Чжун-юнг улыбнулся: — Как святой может сказать, что он святой? — Разве твой отец не говорит, что ты святой? — дразнил Ли Минг. — Я, это, это... — Фан Чжун-юнг покраснел, смутился, но ничего не мог

поделать, ведь это сказал его отец, а не он. Он быстро сменил тему, не желая об этом говорить, и сказал: — Можешь рассказать мне слова на табличке? — Ты любишь читать? — спросил Ли Минг. — Да, — кивнул Фан Чжун-юнг. — Тогда почему ты не учишься в таком юном возрасте, а ходишь с отцом? — Отец сказал, что мне не нужно читать. Чтение — это занятие для дураков. Я вундеркинд, мне не нужно читать. — Ты веришь всему, что говорит твой отец? — спросил Ли Минг. — Ты никогда не думал, что твой отец ошибается? Фан Чжун-юнг покачал головой, не задумываясь. Ли Минг посмотрел на него. Вероятно, сам Фан Чжун-юнг был невежествен, но он был немного умнее других, и находился в стадии просветления. Даже вундеркинда легко сбить с толку его отец. — Ты очень умный, но ты должен научиться сопротивляться. Если твой отец не позволяет тебе учиться, попробуй ему противостоять. — Я хочу быть бунтарем? — Фан Чжун-юнг посмотрел на Ли Минга. — Я не хочу быть бунтарем, которого пронзят в спину. — Как можно назвать бунтарем ученого? — Ли Минг щелкнул его по лбу и не смог сдержать смех. Фан Чжун-юнг все еще качал головой, он не смел послушаться отца. Ли Минг сказал: — Если ты будешь следовать за своим отцом, ты знаешь, к чему это приведет? Фан Чжун-юнг покачал головой. Ли Минг сказал: — В пять лет ты можешь писать стихи, и "в обоих, и в литературе, и в теории, есть что-то достойное восхищения"; в двенадцать или тринадцать лет ты не можешь быть назван сердцем прошлого; в двадцать лет ты не такой, как все. Услышав это, глаза Фан Чжун-юнга расширились, в них загорелся огонек, а затем потускнели, потому что он не совсем верил. — Ты меня обманываешь? — Ты думаешь, я тебя обманываю? — Ли Минг посмотрел на него. — Я святой, как же я могу тебя обманывать? Я вижу твое будущее. — Как это возможно? — Фан Чжун-юнг был шокирован, его большие глаза были полны сомнений. — Ты знаешь, почему ты пришел ко мне? — Не знаю. — Потому что я святой, и я здесь, чтобы дать тебе наставления. Если твой отец одержим этим, и ты будешь продолжать в том же духе, ты в конечном итоге будешь уничтожен. Я не могу смотреть, как хороший вундеркинд падает, и я специально привел тебя сюда, чтобы предупредить тебя. — Правда? — Фан Чжун-юнг сомневался. Он постепенно начал верить, ведь он все еще был ребенком и его легко было обмануть. Ли Минг тайком смеялся в душе, продолжая обманывать Фан Чжун-юнга. Внезапно сзади раздался тяжелый и сердитый голос. — Чушь!